

Московский Государственный Университет им.
М.В. Ломоносова
Механико-математический факультет

АНТИНОМИЗМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ И КРИТИКА
СИСТЕМОСТРОИТЕЛЬСТВА У П.А. ФЛОРЕНСКОГО

Реферат по философии
аспиранта кафедры
вычислительной математики
Чернышева Сергея Владленовича

Руководитель семинара
В.А. Шалошников

Москва, 2003

Содержание

1	Введение	2
1.1	Различные взгляды на антиномизм	2
1.2	Павел Александрович Флоренский	4
1.3	«Противоречия» Павла Флоренского	6
2	Антиномизм человеческого познания и критика системо- строительства	8
2.1	История антиномизма	8
2.2	Противоречивость истины	9
2.3	Определение антиномии по Флоренскому	11
2.4	Антиномии в догматах	13
2.5	Человеческие ценности и взаимоотношения	17
2.6	Антиномии языка	17
2.7	Схемы и системы	18
3	Заключение	20

1 Введение

1.1 Различные взгляды на антиномизм

Что такое антиномизм и где мы с ним сталкиваемся? Как пишет С. Л. Франк, «...единственно адекватная онтологическая установка есть установка антиномистического монодуализма. О каких бы логически уловимых противоположностях ни шла речь — о единстве и множестве, духе и теле, жизни и смерти, вечности и времени, добре и зле, Творце и творении, — в конечном итоге мы всюду стоим перед тем соотношением, что логически раздельное, основанное на взаимном отрицании вместе с тем внутренне слито, пронизывает друг друга — что одно не есть другое и вместе с тем и есть другое, и только с ним, в нем, и через него есть то, что оно подлинно есть в своей последней глубине и полноте.»¹ Действительно, нам остаётся только согласиться с его мыслью. Весь мир вокруг нас наполнен противоречиями, которые кажутся несовместимыми, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что они гармоничны и едины. Кант, например, доказывал, что, если мы хотим определить, имеет ли мир границы во времени и пространстве, то одновременно и одинаково аргументированно можно показать, что он как конечен, так и бесконечен. Точно так же он показывает, что всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и в то же время, что ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого. Кроме того, Кант приводит доказательство тезиса и антитезиса о порядке мира. Тезис звучит так: «Для объяснения явлений, происходящих в мире, необходимо допустить свободную причинность», а антитезис, равнодоказуемый, утверждает, что не существует такой свободы, а всё совершается согласно законам природы.² Антиномии наполняют религию. «Религиозная жизнь по существу антиномична, она заключает в себе для разума несовместимые и противоречивые тезисы и таинственно снимает эти противоречия. Антиномичность трансцендентного и имманентного разумно неразрешима и непреодолима; она изживается в религиозном опыте и там снимается. В высшем озарении совмещаются противоположности», — писал Бердяев в своей статье³.

Но более всего антиномии присущи, естественно, человеческому разуму. Нас не удивляет, как человек может быть одновременно злым и добрым, одновременно стойким и слабым, одновременно уверенным и колеблющимся. Фраза «ты сам себе противоречишь» употребляется столь

¹[5], с. 315

²[2], т. 1, сс. 9-13

³[3]

часто, что может считаться устойчивым выражением. Антиномии — это и есть такие полярно противоположные высказывания, которые противоречат друг другу, но разум вынужден приходить к таким высказываниям в силу своей организации. Согласно Сергию Булгакову, «антиномия не означает ошибки в мышлении или же общей ложности проблемы гносеологического недоразумения, которое может быть разъяснено и тем самым устранено. Разуму присущи вполне закономерные антиномии.»⁴ Всякое действие разума существенно антиномично, и все построения его держатся лишь силою противоборствующих и взаимоисключающих начал. Непреложная истина — это та, в которой предельно сильное утверждение соединено с предельно же сильным отрицанием. То есть, непреложная истина — это предельное противоречие, уже включающее в себя крайнее своё отрицание. И поэтому все то, что можно было бы возразить против неё, будет слабее в ней содержащегося отрицания. Предмет, соответствующий этой последней антиномии, и есть, очевидно, истинная реальность и реальная истина. Этот предмет, источник бытия и смысла, воспринимается опытом.

К антиномизму относятся по-разному. «Антиномизм, — писал И.Л. Янышев, — есть не нарушение закона, а доктрина, стремящаяся оправдать это беззаконие, во имя других будто бы высших принципов»⁵. Разнообразные формы антиномизма, которые автором приводятся в пример (индивидуальный, общественный, иезуитский и др.), служат иллюстрацией основной мысли: антиномизм есть учение, противное истинному смыслу и духу нравственного закона. Более того, антиномизм, как полагает А. Бронзов, — «противное истинному смыслу и духу нравственного закона настроение или поведение. При этом отличительной особенностью антиномиста является стремление его так или иначе оправдать свое отступление от прямых предписаний закона. С последней стороны антиномизм является наиболее постыдным явлением, наиболее соблазнительным для слабых людей»⁶

Однако многие философы придерживаются идей антиномизма, и среди них «человек утонченной культуры и громадных знаний», как называет его Гиппиус, — отец Павел Флоренский.

⁴[6], с. 90

⁵[7], с. 69

⁶[8], т. 1, с. 809.

1.2 Павел Александрович Флоренский

Павел Александрович Флоренский — русский религиозный философ и ученый, родился 9 января 1882 года (по старому стилю) в местечке Евлах на западе нынешнего Азербайджана. Отец его происходил из духовного звания, но утратил связи с церковью. Он был инженером, образованным культурным человеком. Мать принадлежала к армянской семье, обитавшей в Тбилиси (Тифлисе).

Не менее трех душевных глубоких кризисов потрясли жизнь Павла Александровича. Первый кризис был в период юношества, когда он, выросший в нерелигиозной семье, далекой от церкви, однажды понял несостоятельность материалистического взгляда на мир и страстно стал искать выход из этого. После окончания Тифлисской классической гимназии он поступил на физико-математический факультет Московского университета, где показал себя как способный и эрудированный студент, обладающий поразительной памятью. Получив университетский диплом, Флоренский принял решение посвятить всю жизнь служению Богу и людям. С этим решением он поступил в Московскую духовную академию, где, приняв после завершения учебы священный сан, остался преподавать.

Другой кризис был тяжелый, личный, когда он себя пытался выстроить. Флоренский говорил, что логически он способен доказать, и очень убедительно, вещи совершенно противоположные. В годы обучения в Духовной Академии у него возникает замысел капитального сочинения, будущей его книги «Столп и утверждение истины», большую часть которой он завершает к концу обучения. Это был не только отвлеченный человек, обладающий колоссальным интеллектом, это был человек глубоко страстный, теоретик. Бердяев вспоминает, как в монастыре у одного из старцев, куда его привезли благочестивые друзья, он видел молодого Флоренского: тот стоял в церкви и рыдал, плакал. . . У Флоренского была очень непростая жизнь. Свое служение Богу о. Павел совмещал с занятиями наукой и философией. Энциклопедически образованный человек, Флоренский обращался к миру с проповедью о Христе, используя все приобретенные знания и личный духовный опыт. В своем творчестве он стремился донести до человека Истину, которую видел в православии.

И, наконец, когда ему было 42 года, был еще один кризис. Это было перед революцией, в 1916 году, когда он столкнулся с резкой критикой своих ультраправославных друзей. В результате беседы с одним из своих друзей отец Павел уронил голову и сказал: «Я больше не буду ничего писать о богословии». Чтобы такое признание вырвалось у тако-

го человека, автора столь знаменитой книги как «Столп и утверждение истины», — это должно быть непросто. И в самом деле, после этого Флоренский больше не пишет на религиозно-философские темы. Сложный и противоречивый человек был отец Павел.

Главная работа Флоренского — «Столп и утверждение истины». Она наполнена массой спорных концепций, неожиданных выводов, нетривиальных подходов. Эта книга написана человеком, прошедшим через бурю сомнений. Эта буря в ней запечатлена. Здесь нет глав, а есть письма, обращенные к другу. Книга была в первые опубликована в 1908 году.

После окончания Академии в 1908 году он стал в ней преподавателем философских дисциплин, в 1911 году принял священный сан и в 1912 году был назначен редактором академического журнала «Богословский вестник». До самой революции он служил в Сергиевом Посаде. Был также полковым священником — на некоторое время, в 1915 году, во время первой мировой войны, его отправили на фронт, и он очень ярко описывает свои переживания.

Когда наступила революция, он пытался войти в общественную жизнь. Еще во время революции 1905 года он вместе со своими друзьями создал Христианское Братство Борьбы — религиозно-революционное движение. Когда Флоренский был уже в академии, он произнес проповедь «Голос крови» по поводу казни лейтенанта Шмидта. Проповедь была опубликована, а Флоренский был арестован. После революции он не эмигрировал и никогда не высказывал открыто своего отношения к власти. Он осознал себя ученым, который будет трудиться для своего отечества. Ради спасения произведений русского церковного и светского искусства Флоренский принял участие в работе комиссии по охране памятников старины Троице-Сергиевой Лавры. Занимая должности ученого секретаря и хранителя ризницы, он сохранил от разграбления сокровища Лавры. В своей работе, посвященной деятельности этой комиссии, он пытался доказать, что эстетика Лавры не может существовать без монахов и богослужения. Лавру закрыли, но до конца 1920-х годов он читал отдельные лекции студентам.

Во второй половине двадцатых годов круг занятий Флоренского вынужденно ограничился техническими вопросами. Он возвращается к занятиям физикой и математикой, работая также в области техники и материаловедения. С 1921 он работает в системе Главэнерго, принимая участие в ГОЭЛРО, а в 1924 году выпускает в свет большую монографию о диэлектриках. Сотрудничая с советским правительством, Флоренский не отказался от своих религиозных убеждений. Все эти годы он не снимал с себя священнического сана и ходил в подряснике. Беском-

промиссное отстаивание отцом Павлом своей веры стало основной причиной его ареста и последующего убийства. Отец Павел был арестован в 1933 г. по ложному обвинению и отправлен в ссылку на Дальний Восток. В 1934 году его перевели на Соловки, где он разрабатывал технологию добычи йода из водорослей. 8 декабря 1937 года отец Павел Флоренский был расстрелян.

1.3 «Противоречия» Павла Флоренского

«Что такое знание?» — вопрос, который задавал себе Павел Флоренский неоднократно. «Чтобы ответить на этот вопрос надо охарактеризовать знание вообще, знание как таковое. Что же мы знаем о знании? — Прежде всего, мы знаем о знании то, что оно не есть незнание. Мы знаем, что знание не равно незнанию. Когда я знаю, то я — не знаю, и я знаю, что я не знаю. Знание знает о себе, т.е. знает, что оно есть именно знание, а не что-либо иное; т.е. знание знает о себе, прежде всего через противоположение себя незнанию. Противоположить знанию незнание есть единственный способ узнать, что такое знание».⁷ Это основополагающая истина вылилась в целое учение об антиномиях в работе «Столп и утверждения истины».

Флоренский приходит к выводу, что истина есть интуитивно познаваемая, но одновременно разумно осмысляемая реальность. То есть истина есть то, что познается интуитивно и разумно. Он видит, что во всем, что ему известно, в конечном счете кроется противоречие. Масса фактов в природе говорит о недостаточности формальной логики, приводит человека к мысли о том, что парадокс, или антиномия есть свойство бытия.

А. Мень пишет об этом так: «Особая глава «Противоречия» написана с гениальной силой. И сегодня физика подтвердила (концепции Нильса Бора и других физиков): в фундаментальных свойствах природы мы находим логически не снимаемые противоречия. И здесь возникает принцип дополнительности, который позволяет описывать явление с двух сторон, не давая им единой интеграции. Но это не значит, что Флоренский считал, что истина не существует как целое. Он образно выражался так целокупная истина, падая с неба, разбивается здесь на противоположные элементы, что есть возможность охватить целое, но для этого необходимо какое-то особое проникновение в реальность. И это проникновение идет за счет восприятия таинственного опыта Церкви. Познавание догматов Церкви, согласно Флоренскому, — это не просто интеллектуальное опознание некой системы взглядов, а это ... вхождение в некий мисти-

⁷[2], т. 1, с. 37

ческий опыт, через который потом ты изнутри приходишь к пониманию тайны Церкви. Церковь — это не просто организация, не какой-то институт, а это таинственное соединение людей с Богом и между собой. И в этом единении, когда «я» и «ты» открываются друг другу, и наконец — Высшему «Ты», рождается Любовь.»⁸

Флоренский призывает признать противоречивость человеческого рассудка и познаваемого им мира. Усилия человеческого разума примирить противоречия бессильны, поэтому пусть противоречия остаются такими глубокими, какие они есть. Вселенная построена по плану, который бесконечно превосходит человеческий разум. Желания и дела Бога кажутся неразумными человеку, поскольку не понятны ему. Флоренский говорит о том, что тайны религии это не секреты, которые не следует разглашать, а невыразимые, неопишуемые переживания, которые можно пересказать только в виде противоречий. Вот почему, делаясь церковным песнопением, восторг души облекается в оболочку своеобразной игры понятий. Вся церковная служба наполнена противоречивыми сопоставлениями и антиномическими утверждениями. «Противоречия — это тайна души, тайна молитвы и любви. Противоречия нельзя устранить общественным строительством и философскими рассуждениями. Единая Истина — на небе, а на земле множество осколков этой истины. Если есть грех, то все наше существо, равно как и весь мир, раздроблены. Существование множества различных схем и теорий, старательно встроенных, но исходящих из разных исходных точек есть лучшее доказательство трещин мироздания. Наш разум раздроблен и расколот. Меньше разломов и трещин только в умах святых подвижников, поскольку они — оздоравливающий орган мира. За что бы мы ни взялись, мы неизбежно дробим изучаемое на несовместные аспекты. Смотря на одно и тоже с разных сторон, т.е. действуя разными сторонами духовной деятельности, мы можем прийти к антиномиям, положениям не совместимым в нашем рассудке. Эти противоречия могут устраниться только, если на нас снизойдет благодатное озарение. Антиномичность говорит нам «и то и другое истинно, но каждое по-своему». Примирение и единство противоположности выше нашего рассудка. Антиномичность — от раздробленности самого бытия».

⁸[4]

2 Антиномизм человеческого познания и критика системостроительства

2.1 История антиномизма

Слово антиномия как философский термин появляется у Канта в «Критике чистого разума» в 1781 году. Антиномии, с точки зрения Канта, обнаруживаются тогда, когда разум пытается выйти за пределы чувственного опыта и познать в принципе непознаваемую «вещь в себе».

Отношение Флоренского к философии Канта до загадочности двойственно: наряду с восхищенным почитанием антиномий чистого разума, он пишет и о том, что «нет системы более уклончивой, скользкой. . . , более лукавой», имея в виду, что в ткань философии Канта вплетена «загадочная улыбка» логического противоречия». В философском замысле Канта русский философ усматривает утверждение идеи культуры в ущерб идее культа.

Флоренский приспособил кантовскую методологию для обоснования положения о неспособности человека рациональным путем постичь трансцендентное начало, конечные тайны бытия. Человек, по его мнению, осужден на постоянную ситуацию антиномизма. Он говорит о том, что сама идея необходимой самопротиворечивости рассудка, которую он связывает с этим термином, очень стара. В доказательство этого Флоренский цитирует греческих мыслителей:

«Тайна удивительного преуспеяния заключается в сочетании противоположности, чрезвычайное богатство творческой фантазии и рядом с ним всегда бодрствующее сомнение. . . Могущественная способность к обобщениям в соединении с острой наблюдательностью, отслеживающей все особенности явления; религия, вполне удовлетворяющая душевные потребности, и не накладывающая оков на рассудок, анализирующие ее создание. . . Государственное устройство и общественный уклад достаточно суровые, чтобы сдерживать «беспутные детские стремления» безрассудных, и достаточно свободные, чтобы не мешать смелому порыву выдающихся умов.»⁹

Флоренский пишет о том, как начинается живое восприятие антиномичности, рассказывая о Гераклите Темном. Гераклит впервые ясно понял, что существует Бог-Слово, впервые открыл высшую гармонию и сверхмирное единство бытия. «Мудрость — едина», «разум — для всех один и тот же. . . ». И именно этот самый философ и твердил всю свою

⁹[1], с. 153

жизнь о разрозненности, раздробленности и антиномичности нашей земной юдоли. Открыв совершенную гармонию слова, он со всей возможной (для жившего до Христа) остротой увидел внутреннюю вражду мира. «Люди должны знать, что война повсеместна, и что правда — вражда, так как все возникает и все уничтожается благодаря вражде. . . война — родоначальница и владычица всего. . . из противоположности образуется совершенная гармония». Мир трагически прекрасен в своей раздробленности. Его гармония в его дисгармонии, его единство в его вражде.

Великим сторонником антиномичности рассудка был Платон. Большинство его диалогов, считает Флоренский, — ничто иное, как художественно драматизированные антиномии. Само пристрастие Платона к диалогической форме изложения, т.е. к форме противопоставлений и убеждений, намекает на антиномическую природу его мышления. Кроме того, чуть ли не каждый его диалог лишь обостряет противоречия и углубляет бездну между тезисом и антитезисом, но не решая вопроса в пользу того или другого. Флоренский говорит, что либо это очень хороший антиномизм, либо весьма неудачная философия цельного рассудка. Вообще, Павел Флоренский любил Платона, изучал его и толковал. Для Платона невидимое было источником видимого. Английский философ Уайтхед говорил, что вся мировая философия является лишь подстрочными примечаниями к Платону. Платоновская мысль раз и навсегда определила главные направления человеческого духа и человеческого мышления. «Платон возглавил собою древний род своих философских прачуров и начал новый род, который много столетий жил за счёт учений о разуме и о познаваемых им идеях.»¹⁰

К числу глубоких представителей антиномизма Флоренский так же причисляет кардинала Николая Кузанского с его учением о совпадении в божестве противоположных определений. Кроме того, Флоренский упоминает Гегеля, Фихте, Шеллинга и Ренувье.

2.2 Противоречивость истины

Как возможно из условного материала человеческого ума построить безусловную формулу человеческой мысли? Знание дается в виде некоторого суждения, т.е. как синтез некоторого подлежащего S с некоторым сказуемым P . Отсюда не исключается и аналитическое суждение, даже суждение тождественное, т.к. и в них подлежащее и сказуемое в каком-то смысле разные — должны быть сначала различные, чтобы затем соединиться. Но если всякое суждение — синтез некоторой двойственности,

¹⁰[2], т. 1, с. 3

то почему же не могло бы быть и другого синтеза — синтеза данного подлежащего S с другим сказуемым P' ? Далее, почему бы не могло быть синтеза S и $\neg P$? Ясно, что всякое суждение условно, т.е. может встретить в себе возражения в виде другого, противоположного суждения и даже в виде противоречивого суждения. Жизнь бесконечно полнее рассудочных определений, поэтому ни одна формула не может вместить всей полноты жизни. Следовательно, рассудочные определения всегда и везде подвергаются и, неизбежно, будут подвергаться возражению. Возражение на формулы — это такая формула, которая исходит из сторон жизни дополнительных к данной. Из сторон, противоположных и даже противоречивых в отношении к этой формуле. Рассудочная формула тогда и только тогда может быть превыше нападений жизни, если она всю жизнь вберёт в себя со всем ее многообразием и всеми противоречиями. Рассудочная формула может быть истинной тогда и только тогда, если она предусматривает все возражения на себя и предусматривает их. Но для этого надо взять не возражения, а их предел. Отсюда следует, что истинно такое суждение, которое содержит в себе и предел всех его отрицаний, т.е. истина — суждение самопротиворечивое. Безусловность истины с формальной стороны в том и выражается, что она заранее подразумевает и принимает свое отрицание и отвечает на сомнения в своей истинности принятием в себя этого сомнения и даже его предела. Истина потому и есть истина, что не боится никаких оспариваний, а не боится потому, что сама отрицает себя больше, чем может сказать какое угодно отрицание и это отрицание свое истина сочетает с утверждением. Для рассудка истина есть противоречие, и это противоречие становится явным, как только истина получает словесную формулировку. Каждое из противоречащих предложений содержится в суждениях истины, поэтому наличие каждого из них доказуемо с одинаковым успехом. Тезис и антитезис вместе образуют выражение истинное. Другими словами, истина есть антиномия.

Априори можно утверждать, что познания истины требуют духовной жизни и, следовательно, есть подвиг. А подвиг рассудка — это вера, т.е. самоотречение. Акт самоотречения рассудка и есть акт высказывания антиномии. На самом деле только в антиномии и можно верить. Любое неантиномичное суждение просто признается или просто отвергается рассудком, т.к. не превышает рубежа его эгоистической обособленности. Если бы истина не была антиномична, то рассудок, всегда вращаясь в своей собственной области, не имел бы точки опоры, не видел бы вне-рассудочного объекта и, следовательно, не имел бы побуждения начать подвиг веры. Эта точка опоры — догмат. С догмата начинается наше спасение, т.к. только догмат, будучи антиномичным, не стесняет нашей

свободы и дает возможность существовать как вере, так и неверию. Ведь никого нельзя заставить верить, как нельзя заставить и не верить.

Все сказанное ранее говорилось в предположении, что мы исходим в логике из суждений. И тогда истина оказалась антиномией суждений, но нетрудно увидеть, что в логике понятий мы пришли бы к такому же выводу, т.е. истина есть антиномия понятий. Конечно, тот и другой вывод одно и то же, поскольку между антиномией понятия и антиномией суждения только психологическая разница. Для каждого понятия есть соответствующее ему суждение и для каждого суждения — понятие.

Согласно Павлу Флоренскому, всякий имманентный путь познания, дискурсивный или интуитивный, одинаково ведет в ад. Он осуждает на адские муки всякого, кто идет по пути познания, не приняв трансцендентной Троичности. «Она — последнее средство. Если самой Троиединой Истины не оказалось, то где же искать ее?» Он постулирует триединую Истину как единственный исход из адских мучений. Он допускает гипотезу Троичности, и лишь при этом трансцендентном допущении оказывается возможным спастись от имманентных мук ереси. Но триединая Истина и триединый Бог не раскрываются в имманентной духовной жизни. Божественная Истина трансцендентна духовному опыту. Этим предопределяется отношение Павла Флоренского к мистике. Он постулирует догмат Троичности как внешний мистическому опыту, не раскрывающийся в нем имманентно, не как внутренний свет и озарение, а как трансцендентную спасительную гипотезу. Так гносеологически уже утверждает он внешнюю, трансцендентную всякому духовному, мистическому опыту природу божественного откровения. На гносеологическом языке П.А. Флоренского нужно понимать так, что невозможно имманентно добыть свет, истину, что всякий имманентный, внутренний путь познания даже при переходе к мистическому опыту и высшей духовной жизни ведет в ад, в пожирающий огонь ереси.

2.3 Определение антиномии по Флоренскому

Флоренский приводит пример доказательства существования антиномий методами математической логики с помощью логических операций:

Очевидно, что можно написать логическое равенство следующих двух операций:

$$p \rightarrow q = \neg p \vee q.$$

Откуда

$$\neg p \rightarrow p = \neg(\neg p) \vee p,$$

следовательно,

$$\neg p \rightarrow p = p \vee p.$$

Понятно, что альтернатива $p \vee p$ влечет за собой непреложное утверждение p , так что

$$p \vee p \rightarrow p$$

и, значит,

$$(\neg p \rightarrow p) \rightarrow p. \quad (1)$$

Это доказательство Евклида. Этот прием используется догматиками для коренного ниспровержения скептических доводов против доказуемости истинности. Однако, действительно ли это рассуждение доказано строго? Конечно, нет. Обозначим $\neg p$ через q . Тогда

$$(\neg q \rightarrow q) \rightarrow q,$$

откуда

$$(\neg(\neg p) \rightarrow \neg p) \rightarrow \neg p,$$

т.е.

$$(p \rightarrow \neg p) \rightarrow \neg p. \quad (2)$$

Так что доказано не только p , но и $\neg p$. Итак, у нас получились два доказательства составляющих собою антиномию P .¹¹

Он говорит о недостаточности логической формулы (1), применяемой для доказательства того или другого тезиса p , если при этом не исключена возможность формулы (2). Ведь наличие тезиса не обеспечивает отсутствие антитезиса, а, по крайней мере, в духовной области всегда, а в других областях часто предполагает наличие антитезиса. Другими словами, каждый раз необходимо убеждаться не только в истинности тезиса p , но и выяснять, не является ли он половиной некоторой антиномии P . Флоренский дает следующее символическое определение антиномии:

$$P = (p \vee \neg p) \wedge \text{true}.$$

Антиномия есть такое предложение, которое, будучи истинным, содержит в себе совместно тезис и антитезис, так, что оно не доступно никакому возражению. Символ true поднимает антиномию над плоскостью рассудка. Формально он появляется как результат некоторого процесса, устанавливающего, что P истинно, тогда как другие два процесса доказывают, что по своей структуре, это p и $\neg p$. Таким образом, символ true, это «указующий на небеса перст» при P , но отнюдь не составная часть

¹¹[1], сс. 148-151

самого P . По своему составу P не отличается от простого противоречия false , и, следовательно, в сфере рассудка лишь авторитет отмечает истинность P в сравнении с false . Флоренский критикует католицизм, погрузившийся в область душевную и, следовательно, рассудочную, но имеющего своим предметом все же духовное и, следовательно, антиномическое: «вот почему для католицизма авторитет — все, и без указующего перста папы католик не может жить.»¹² В области сверхрассудочной прибавка true в определение антиномии указывает ее составной признак, ее духовное единство, ее сверхчувственную реальность. И в Духе Святом это единство непосредственно достигается. Для большей наглядности формулу можно представить так:

$$P = ((\neg p \rightarrow p) \wedge (p \rightarrow \neg p)) \rightarrow (p \vee \neg p \vee \neg \text{false}),$$

т.е. «если антитезис влечет тезис и при этом тезис влечет антитезис, то совокупность тезиса и антитезиса, если она не ложна, это антиномия.»¹³

2.4 Антиномии в догматах

«Догмат — не внешнее откровение, не внешняя данность, а внутреннее откровение, озарение, имманентное человеческому духу. Догматические формулы давали лишь онтологическую транскрипцию религиозному опыту, были демократическим выражением и закреплении устойчивых и вечных элементов религиозного опыта. В догматах есть абсолютная, непреходящая истина. Но мертвит та догматика, в которой статика направлена против динамики, одни элементы религиозного опыта истребляют другие элементы, т. е. опыт костенеет, абсолютируется статически. Трансцендентизм, — внебожественность человека и мира, дистанция между человеком и Богом, миром и Богом, — есть неизбежный момент религиозного опыта, неизбежное прохождение через расщепленность, полярное раздвоение. И истинна лишь опытная транскрипция трансцендентизма. Всякая онтологическая транскрипция трансцендентизма, всякая абсолютизация его включает в себе опасность статической задержки в религиозном опыте. Абсолютный трансцендентизм и есть Ветхий Завет. Новый Завет есть имманентизм, евангельская весть есть весть об имманентности Бога человеческому духу. И чисто трансцендентная онтология в христианстве есть все еще ветхозаветное наследие. Отвлеченный трансцендентизм есть религиозное несовершеннолетие. Все трансцендентное

¹²[1], с. 152

¹³[1], с. 153

учение о сотворении мира и человека, вся ортодоксальная теология, космология и антропология христианства — библейская, ветхозаветная, а не новозаветная. Антиномия трансцендентного и имманентного снимается в зрелом христианском сознании, преодолевается в новом Адаме.»¹⁴

Догмат, по Флоренскому, — это идеальная предельная граница, где снимаются противоречия. С точки зрения рассудка, догмат — категорическое требование, содержащее антиномию. Для разума, очищенного молитвой и подвигом, догма — это самодоказательная Истина. Флоренский считает, что догмат не может не содержать в себе рассудочной антиномии, поскольку религиозная истина по Флоренскому не может быть постижима при обычном внутреннем состоянии, без подвига. Сознание тогда не полное, не глубокое. Ведь мы не можем цельно мыслить о сути религиозного объекта. Мы не в силах охватить религиозный объект рассудка. Рассудок же не может не ограничиться только одной из сторон объекта. Ересь — это именно ограничение одной стороной. Ересь — это прямолинейное сосредоточение на одном из многих возможных утверждений. В этом и проблема сектантского рассудка. Одностороннее положение ставится на основание безусловной истины и, тем самым, это положение, исключает все то, в чем видится антиномическое дополнение к данной половине антиномии, непостижимое рассудком.

Объект религии, опускаясь с неба духовного переживания в плоскость рассудка, раскалывается на аспекты, исключаящие друг друга. Соборный православный рассудок стремиться собрать все осколки, а еретический, сектантский выбрать те осколки, которые понравятся. Чтобы увидеть весь объект в полноте, нужно укротить свою рассудочную деятельность, выйти в благодатное мышление восстановленного, очищенного и воссозданного человеческого естества. Христос дал нам твердую точку неподвижной скалы, на которую мы можем становиться, спасаясь от ереси. Однако мы можем только мечтать обо всей полноте. Ее нам может дать только Дух Святой. Духом постигаются догматы. А пока тем острее и тем многообразнее рассудочные антиномии веры, чем полнозвучнее само переживание. И действительно, Библия полна антиномий. Антиномистично скрещиваются между собой рассуждения не только разных библейских авторов, но и одного и того же. И не только в разных его писаниях, но и в одном и том же. И не только в разных местах, но и в одном и том же месте. Антиномии стоят рядом, часто в одном стихе. Часто в самых сильных местах Библии, потрясая душу верующего, поражая его ум. Только подлинный религиозный опыт может увидеть антиномии и увидеть, как их примирить. Для обычного рас-

¹⁴[3]

судка они либо не видны, либо представляются литературной манерой парадоксального ума. Для примера Флоренский приводит религиозную диалектику апостола Павла. Его рассудочно противоречивые и взаимоисключающие суждения острями направлены друг против друга. Однако для непосредственного восприятия, в этих суждениях открывается высшее религиозное единство, которое может получить свое завершение в духе святом. Свести все эти «да» и «нет» к одной плоскости, считать тот или другой слой несущественным было бы религиозным безвкусием и внутренней нечеткостью. Флоренский сравнивает антиномии в переживании с туманом, написанном на картине, или с узором, вытканном на материи. Желая рассмотреть картину яснее, или сделать материю гладкой, мы стали бы стирать туман или узор, однако вместе с ними, пришлось бы уничтожить саму картину или материю, так и в религии, где нет антиномии, там нет и веры. С сожалением Флоренский вспоминает о том времени, когда он считал разрешимыми антиномии религии и утверждал логический монизм в религии. Истинная любовь, истинная вера — в отказе от рассудка.

Главная тайна догмата¹⁵ — что истина парадоксальна, антиномична. Парадоксы пронизывают все: Бог един — но Он же в трех лицах; Христос — человек, но Он же — Бог; он подлинный человек — и истинный Бог. Человек свободен, но в то же время Бог все предвидит. На парадоксах строится все. Ибо истина парадоксальна так же, как парадоксальна сама реальность бытия.

Флоренский приводит примеры догматических антиномий из послания к римлянам:

¹⁵[1]

	Тезис	Антитезис
Божество	единосущее	триединое
Два естества во Христе соединены	неслитно и неизменно	нераздельно и неразлучно
Отношение человека к Богу	предопределение	свободная воля
Грех	через падение Адама, т.е. как случайное явление в плоти	через конечность плоти, т.е. как необходимо присущие ей качества
Суд	Христос, как судья всех христиан при втором своем пришествии	Бог, как окончательно судящий всех людей через Христа
Воздаяние	воздаяние всем по делам	свободное прощение искупленным
Конечная судьба	всеобщее восстановление и блаженство	двойкий конец, гибель
Заслуга	необходимость человеческого подвига: «Так бегите, чтобы получить»; «Со страхом и трепетом свершайте свое спасение»	недействительность человеческого подвига: «Помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего»; «Потому что Бог производит в вас и хотение и действие»
Благодать	когда умножился грех, стала преизобиловать благодать: «Всякий прибывающий в Нем, не согрешает»; «Всякий рожденный от Бога не делает греха и не может грешить»	«Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак»; «Если говорим, что не имеем греха, обманываем себя, и истины нет в нас»
Вера	свободна и зависит от доброй воли человека	дар Божий и не находится в вере человеческой, но в воле, привлекающей ко Христу Отца.
Пришествие Христово	«на суд пришел Я в мир»	«Я пришел не судить мир»

2.5 Человеческие ценности и взаимоотношения

Флоренский анализирует музыку. Рассматривает гомофонию Нового времени, полифонию Средних веков и противопоставляет им гетерофонию, полную свободу всех голосов, присущую русской песне. Он говорит об импровизации и сравнивает ее с чем-то возвышенным, душевным.

Анализирует чувства: «врата, наиболее далекие друг от друга — это зрение и слух. С наибольшей четкостью стоят перед духом образы зримые. Напротив, воспринимаемые слухом — по преимуществу субъективные». ¹⁶

П.А. Флоренский исследует взаимоотношения между людьми. Задаётся вопросами: что же такое дружба, любовь и ревность.

Во всём, что бы ни окружало нас, во всём, что внутри нас, кроются неразрешимые противоречия. Противоречивость, антиномичность — это свойство нашего разума и нашего духа. Различные чувства, явления, рассматриваемые через призму антиномий, имеют один общий корень. Флоренский смотрит на мир со стороны, анализируя его, и доказывает его антиномичность.

Один из важных примеров, которые привлекли внимание Флоренского, — язык.

2.6 Антиномии языка

В своей статье «Антиномии языка» ¹⁷ Флоренский пишет, что язык — это произведение национального духа. Язык отражает состояние умственного развития народа, поскольку глубоко проникает в умственное развитие всего человечества. При этом язык нельзя назвать творением, произведением народа, поскольку язык исходит из самой глубины человеческой природы настолько, что уже обнаруживает в себе самостоятельную силу. Язык — это изливание духа, внутренней сути народа, а не дело его рук, не его творчество. Язык — это дар, предназначенный судьбой.

«Язык — важный и монументальный — огромное лоно мысли человеческой, среда, в которой движемся, воздух, которым дышим. Но это же — лепчущая затененность наша, трепетное сердце младенца, сокровенная песнь нашей внутренности, душа души в нас. Мы дорожим языком, поскольку признаем его объективным, данным нам, как бы наложенным на нас условием нашей жизни; но говорим воистину лишь тогда мы, когда мы же, сами, заново переплатив язык до малейших его изгибов, заново

¹⁶[2], т. 2, с. 41

¹⁷[2]

отливаем его по себе, однако, продолжая всецело верить в его объективность.»¹⁸

Павел Флоренский говорит о том, что не существует личного разума, а есть только Разум Высший, Всеобщий, а значит, нет и личного, индивидуального языка. Слово, которое мы произносим, есть продукт того же Разума, который и создал сам язык. Поэтому личный язык в своей основе — вселенский, а вселенский язык в своём явлении — индивидуальный.

Наука и философия — две полярных противоположности, два различных случая употребления языка. Наука субъективна, философия объективна. Наука приспособливается к себе, философия приспособливается. Однако при всём при этом по сути они одно и то же — язык. Философия имеет немало частей и элементов науки. Наука, казалось бы, жёсткая и непреклонная, на самом деле бывает и мягкой, и текучей. Однако очевидно, что противоречие их уклонов несовместимо, это антиномия. Следовательно, эта антиномия коренится в самом языке. Их расхождение есть противоречивость тенденции самого языка. Рассматривая различные ситуации использования языка, даже самые простые, мы встречаем целый выводок антиномий, содержащихся в основном противоречивом сопряжении в языке: антиномии деятельности и законченного дела.

Флоренский вслед за Штейнталем и А.А. Потебней приводит классификацию антиномий языка:

1. антиномия объективности и субъективности слова;
2. антиномия речи и понимания;
3. антиномия свободы и необходимости;
4. антиномия индивидуума и народа.

Почему так интересны антиномии языка? Язык — это средство выражения мыслей, то есть орудие образования мысли, продукта разума. Значит, антиномии языка — это антиномии разума. Язык и жизнь — неразделимые понятия.

2.7 Схемы и системы

«Разные виды реализма — с одной стороны, и рационализма — с другой, образуют две параллельные линии, ограничивающие область той теории

¹⁸[2], т. 2, с. 153

знания, которая желает оставаться в пределах человеческой данности и исключает возможность новых опытов и откровений иных миров. Не будучи в состоянии ни окончательно выбрать себе тот или другой путь, ибо теория знания существенно основана на вере — либо в не-Я, либо в Я, — ни придумать новый путь, теория знания оказывается заключенной в эти пределы, которые начертала ей ее вера в действительности или, точнее, ее неверие в высшие меры. Равно-возможность субъективных и объективных построений в области теории знания — это основная антиномия науки о знании, и решение этой антиномии может быть найдено лишь вне поля зрения гуманизма.»¹⁹

Различные, даже очень несхожие мысли и идеи связаны между собой, только эти связи скорее тонкие линии, чем стальные балки. Это не прочные перекрытия между близкими по своей сути идеями, эти связи только слегка намечены, однако они не между ближайшими, а между всеми мыслями, и они охватывают всё тонкой паутинкой, их волокна простираются в самые дальние уголки нашего разума.

Связи между мыслями не систематические, а хаотичные. Флоренский пишет, что иначе и быть не может. Когда философу приходят в голову только начальные идеи о мире, первичные интуиции мышления, то возникают сначала вскипания, вращения, вихри, водовороты, бурления, которые не могут быть рационально распланированы, и бессмысленно придумывать способ их упорядочения и «гримировать их под систему». Однако, там где нет логического единства схемы, можно найти совсем другое единство, гораздо более связное, более глубокое, более гармоничное, чем придуманный гладкий план, искусственно наложенный и плохо прячущий всевозможные неувязки.

П.А. Флоренский видит опасность, исходящую от рационалистического способа мышления, который предлагает «гладкий план, наложенный поверхностно и своим лоском прикрывающий убожество внутренних невязок и рассыпающихся представлений». Создавать, выдумывать, «вымучивать» схему, там, где ее нет, рассматривается П.А. Флоренским как философская неискренность. Форма вещи должна проявиться, «выступить» сама собой в понимании познающего. «... Во всяком случае, мы не должны подрисовывать соединительные протоки мысли там, где они не выступили сами собою, — хотя навести их было бы ... и соблазнительнее и легче, нежели оставить ... общую картину недопроработанной, в ее первоначальной многоцентренности, в ее ... не приведенном к единой точке зрения пространственном несогласовании.» Понятие «система» почти неизменно вызывает у П.А. Флоренского негативную реакцию. По-

¹⁹[2], т. 1, с. 34

вторая Ваккенродера, он говорит, что лучше уж суеверие, чем системоверие. «Флоренский, примыкая к стилю мысли англо-американскому и в особенности — восточному, считает всякую систему связанную не логически, а лишь телеологически и видит в этой логической обрывочности и противоречивости неизбежное следствие самого процесса познания, как создающего на низших планах модели и схемы, а на высших — символы. Языки символики есть одна из существенных проблем теории знания.»²⁰

Во всем в мире руководит «противоречие, беспорядок». Построение каких либо систем — искажение истины, самообман. Надо быть выше этого, считает Флоренский.

3 Заключение

«Рационализм, то есть философия понятия и рассудка, философия вещей и безжизненной неподвижности, всецело связан с законом тождества — это философия идеи и разума, философия личности и творческого подвига, опирается, следовательно, на возможность преодоления закона тождества — это философия духовности»²¹.

Все логические начала берут истоки из закона тождества, который утверждает самотождественность «Я» и, следовательно, самодостаточность «Я». А это, в свою очередь, считает православный богослов, порождает эгоизм и атеизм. Поставив в тесную, однозначную зависимость рациональное познание, основанное на законе тождества, нравственную и мировоззренческую позицию, Флоренский делает вывод, что отказ от эгоизма и атеизма предполагает отказ от закона тождества. Осуществить этот отказ — значит, принять иную, более высокую логику отношения к действительности — «логику» вручения своей судьбы в руки Бога. «Тро-яким подвигом веры, надежды и любви, — пишет он, — преодолевается конечность закона тождества. Я перестаю быть «Я», моя мысль перестает быть моей мыслью, непостижимым актом, отказываясь от самоутверждения «Я»=«Я» Как раньше греховная самосуть ставила себя на место Бога, так теперь с помощью Божьей я ставлю на место себя Бога»²².

Флоренский критиковал философский и богословский рационализм, настаивая на принципиальном антиномизме как разума, так и бытия. Наш разум «раздроблен и расколот», «надтреснут» и тварный мир в

²⁰[2], Автореферат

²¹[1], с. 80

²²[1], с. 68

его бытийственности, и все это следствие грехопадения. Однако жажда «всецелостной и вековой Истины» остается в природе даже «падшего» человека и уже сама по себе является знаком, символом возможного возрождения и преображения. «Я не знаю, — писал мыслитель, — есть ли Истина. . . . Но я всем нутром ощущаю, что не могу без нее. И я знаю, что если она есть, то она — все для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье.» Критикуя субъективистский тип мировосприятия, доминирующий, по его убеждению, в Европе с эпохи Возрождения за отвлеченный логицизм, индивидуализм, иллюзионизм и тому подобные течения, Павел Флоренский в этой своей критике менее всего был склонен отрицать значение разума. Напротив, возрожденческому субъективизму он противопоставлял средневековый тип мирозерцания как «объективный» путь познания, отличающийся органичностью, соборностью, реализмом, конкретностью и другими чертами, предполагающими активную, волевою роль разума. Разум «причастен бытию» и способен, опираясь на опыт «приобщения» к Истине в «подвиге веры», пройти путь метафизически-символического понимания сокровенных глубин бытия. «Поврежденность» мира и несовершенство человека не равносильны их богооставленности.²³

«Гносеологическое описание мук скептицизма или того, что он называет ересью, очень сильно и напоминает описание адских мук, начала ада на земле. Так писать может лишь человек, сам переживший адские муки ереси, для которого преодоление скептицизма — самая насущная и жизненная задача. Об этих муках он пишет хорошо и сильно. . . . Анализ сомнения у свящ. Флоренского есть скорее блестящая психология, чем гносеология. Это прекрасный этюд по религиозной психологии. Самое ценное в книге свящ. Флоренского — это его учение об антиномичности. Религиозная жизнь по существу антиномична, она включает в себе для разума несовместимые и противоречивые тезисы и таинственно снимает эти противоречия. Антиномичность трансцендентного и имманентного разумно неразрешима и непреодолима; она изживается в религиозном опыте и там снимается. В высшем озарении совмещаются противоположности. Все, что говорит свящ. Флоренский об антиномичности, превосходно, это лучшие страницы его книги, местами очень глубокие»²⁴.

Павел Флоренский анализировал работы предшественников, занимался наукой и считал, что всё доступно логическому пониманию рассудка. Однако взгляды его переменились, и он пришёл к выводу, что всё в мире антиномично. Эта идея произвела на него сильное впечатление,

²³[1]

²⁴[3]

вплоть до того, что он стал пренебрежительно относиться к рационалистическим методам познания. Не зря пишет Бердяев о книге ²⁵ столь резкие отзывы: «Книга свящ. Флоренского — замечательная книга, она читается с захватывающим интересом. Ее упадочный дух не сразу и не легко распознается. [Глубоко] (Очень) враждебна эта книга новой религиозной жизни, духу творческому. Свящ. Флоренский огромными духовными усилиями заглушил в себе ростки новой жизни, умертвил в себе новую душу»²⁶. Лишь через много лет антиномические идеи П.А. Флоренского смягчились и стали гармоничны. Он развил свою теорию антиномизма, опубликовал большое количество статей и лекций, которые вызывали и вызывают как резкую критику, так и очень высокую оценку различных философов. Флоренский смог прочувствовать противоречивость мира во всех его проявлениях.

В заключение хотелось бы привести высказывание самого Павла Александровича Флоренского: «Противопоставленностью тезисов и антитезисов осуществляется сильный пульс внутренней жизни, а связанностью их обоих синтезом — цельность и единство этой жизни».

²⁵[1]

²⁶[3]

Список литературы

- [1] П.А. Флоренский. *Столп и утверждения истины*. Москва: Лепта, 2002. -814 с.
- [2] П.А. Флоренский. *Собрание сочинений в 4-х томах*. Издательство Мысль, 2000.
- [3] Н.А. Бердяев. *Стилизованное православие*.
<http://www.kroto.org/berdyaev/1914/1914-173.html>
- [4] А.В. Мень. *Отец Павел Флоренский*. Сборник «Мировая духовная культура».
http://www.alexandrmnen.ru/books/mdc/mdc4_09.html
- [5] С.Л. Франк *Сочинения*. Москва: Правда, 1990.
- [6] С.Н. Булгаков *Свет невечерний: Созерцания и умозрения*. Москва: Республика, 1994.
- [7] И.Л. Янышев *Православно-христианское учение о нравственности*. Москва, 1887.
- [8] А. Бронзов *Антиномизм*. Православная богословская энциклопедия: В 10-и тт. СПб., 1904.